

ЛЕОНИД ВОЛКОВ
ВЕТЕР — В ЛИЦО

Леонид Анатольевич Волков

Ветер – в лицо (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24205786

Ветер – в лицо. Путевые очерки. Лирические зарисовки. Фотоальбом /

Л. А. Волков: Издательский дом «Сказочная дорога»; Москва; 2017

ISBN 978-5-4329-0120-0

Аннотация

Путевые заметки Л. Волкова – не путеводитель в привычном понимании, но оригинально переданные впечатления о странах и уголках земли, среди которых Мексика и Мальта, Италия и остров Крит, Израиль и Норвегия, Франция и Таиланд, Индия и Шри-Ланка, Испания и Египет, Карелия и Канарские острова, Чехия и Турция, Грузия и полуостров Крым, Вьетнам и российские города... Очерки, наряду с художественными зарисовками и вставками-размышлениями, – это лирика человека, настроенного на высокий лад, и в некотором роде продолжение его книг «Праздник – в тебе» (переизданной в 2015 году) и «Солнце в глаза» (2015). В «Миниатюрах» автор повествует о «потоке встречных» на своём пути, стремится донести до читателя своё представление о том, что не только «красота спасёт мир», – *красивым он будет принадлежать по праву...* Текст органично дополняют графические иллюстрации художника Оксаны Хейлик и авторский фотоальбом. Около двухсот портретов и пейзажей,

сделанных Л. Волковым в разных странах (не только на Шри-Ланке, в Таиланде, в Грузии) и на родине, передают радость жизни, свойственную автору.

Содержание

День за днём	7
За счастьем	12
Феодосийская сага	14
Три недели и девять дней	16
Не-встреча	34
Просияло	39
Остров-мечта	41
В Коломне	53
Посреди ветров	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Леонид
Анатольевич Волков
Ветер — в лицо
Путевые очерки
Лирические зарисовки
Фотоальбом**

© Волков Л. А., 2017

© Хейлик О. Н., 2017

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2017

* * *

День за днём

Вместо предисловия

Эвенкия, Тура. Преддверье весны

Сияйте: мир нуждается в ваших восторгах¹.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Ещё немного – и лучей спицы отплетут вечернее кружево... Я же – напропалую: по тугому насту холмов-пузырей – несусь за убегающим солнцем.

– *Не исчезай!* – вдогонку кричу.

Но солнце – с хохотом из-за деревьев.

«*Догони!*» – дразнится.

И я, конечно, не отстаю – во всю прыть...

А ветер – встреча: искорками морозными пронизывает насквозь.

Разгорячённый, пью на лету настой необозримых странств. И уж лечу: лёгкость в теле...

И всё доступнее дали. И нет уголка, до которого не добраться... Но солнце – вспять, не догнать – прячется в пово-

¹ Здесь и далее автором *неподписанных* эпиграфов и «запевок», а также уставших слов и сокращений в тексте является Л. Волков.

локу у горизонта.

– *Эй!* – хватаю за лучики. – *Не отпущу! Свети!..*

Тихо. Искристым бархатом на снегу розовеют снопы мягкого света. Неумолимо закатывается солнца диск...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Проснусь – и начнётся...

Захочется кого-то благодарить. За то, что есть утро... жизнь, расцвеченная под улыбчивым солнцем...

Наверное, каждый по-своему окрашивает мир.

Я взял и размалевал в оранжевый день этот – апельсина брызги.

Вышел в утро – и растворился: дыхание весны...

Вдохнул полную грудью ветер, сошедший с гор, – и напол-

нился лёгкостью. Несу – тебе и дню – себя лучшего...

А что несёт мне сегодняшний день?

Тебя!

Начинается – со встречи на перекрёстке. С улыбки – в ответ на мою. Со смыкания взглядов...

И – на волне... Горизонт – осмыслен, мой день – океан...

– Здравствуй! – пропела. И – музыка на весь день...

Знаю: дело – в улыбке. Ты её мимолётом во мне зажгла, но она долго ещё будет гореть очищающим светом радости.

Два солнца светят мне: снаружи и изнутри. Иду-лечу раскисшей дорогой – и ветер с Тунгуски в куртку распахнутую ловлю.

Улыбаюсь встречным – пою душой.

Ты не просто улыбку – солнце зажгла. И я теперь *всё могу*.

Захочу – сплочу вокруг своего огня круг рук, улыбок... согрею души... Ты, сама не зная, открыла для меня мир заново...

Но не удержать день. Догорит вот-вот. Кружу по посёлку.

Смыкается круг встреч – *на тебе*...

Знаешь, мне и слабой, на ходу брошенной улыбки хватило б...

На ночь глядя представляю – улыбаешься – уж видя сны...

Проснусь – встречу тебя!.. и наступит утро... день.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Он настал, дрогнул паутинкой... заискрился – исполненный ожиданий... сверкнул новизной... и – грянул музыкой света...

А солнце – уж на трубе котельной.

По слякоти раннемайской шлёпают вразнобой прохожие.

И вдруг – крылья невидимые распластав – ты! Долгокрылая...

– Здравствуй! – я встречь. Нараспах – парусником. Обыденному врас-хлёт несую день...

– Привет! – обронила-пропела. Взаклёб – волною радости. (Окатило.)

Не выдохнуть, не вздохнуть.

Стою, свет благодарности ворохами вываливаю.

На то, как ты встречным добро-денькаешь, умиляюсь.

«Здрасьте... Здрасьтете...» – позывные ангельских душ...

А если – догнать... и сказать всё?

Возможно ли? Решиться? Сейчас или никогда!

Бегу... Обернулась. Удивления всплеск.

– Позволь, – лепечу...

И кажется, – лечу... Прорвана плотина... И трудно поверить в счастье.

Под конец дня: «Ты?!» – из конторы – ласточкой истомлённой.

– Ты! – откликнусь. И ни капельки уж не расплещу...

И пульс времени отсчитывая, предстану.

– Хочешь, уведу тебя... в сияние дня?

– В сегодня?

– Да, в Настоящее... Видишь, сверкает!.. (Веду.)

– Вижу! – обрадуешься. – Это всё мне?..

И – как если бы пелена – с глаз:

– Полетели?

Я так и не научился летать...

Пока. Хотя, надеюсь, ещё... сотворю *такое!*..

И, знаешь, это правда – про день сегодняшний... Он – в солнечных брызгах... Достаточно улыбнуться...

Влюби в себя день!.. Как я полюбил тебя.

За счастьем Путевые заметки с экскурсами в лирику и историю

*Запомните себя счастливыми, задорными!
Запомните сияние удивлённых глаз,
улыбки друзей, огни родного города,
музыку, рвущуюся навстречу
из распахнутых окон,
цветы в руках у любимой!
Запомните
все случайности, встречи,
удачи, разлуки,
без которых не бывает юности!*

Лидолия Никитина. «Юности счастливые мгновения»

Феодосийская сага

В Кафе

Могу ль я забыть октябрьские дни в Городе-на-краю, где по утрам чуть свет здоровался с морем... где, минуя Генуэзскую башню, изо дня в день касался истории... и где, рельсы вокзальные перебегая, пропускал через себя ток, идущий из мест, откуда прибыл!?

Было зябко. Море «кусалось» холодом... И я догадывался, почему революция сто лет назад выпала на *октябрь*: изо всех щелей дуло, хотелось взбунтоваться от такой жизни...

Погода не баловала: ветер мёл, бросая под ноги стручки акации... кропил – когда, встретившись с Аллой Ненадой, наведаясь я с ней «к Редлихам», в дом, где век назад жила Цветаева Марина... а теперь – Нина Гряда, певица, душа-человек, накормившая нас досыта яблочными пирогами...

Чуть погода растеплилось. Проясненный, встретил меня Коктебель. Впустил в акваторию Карадага, позволил нырнуть в воды залива у Золотых Ворот, где я, кажется, ощутил сверкающий серебром дух Цветаевой...

А за день до отъезда пробежался от Карантина до мыса Киик, дыша ароматом водорослей, то и дело купаясь... Даже не заметив, как добежал до Двухъякорного, где под чинарою ждала меня маршрутка, вернувшая беглеца в Кафу...

Наконец – Златоглавая... благоуханье листвы октябрьской, колдовство клёнов...

Октябрь 2013

Три недели и девять дней Феодосия, Новый Свет

*Два солнца стьнут, – о Господи, пощади!
Одно – на небе, другое – в моей груди.
Марина Цветаева*

1

Спустя год подошла пора верстать новую книгу – я вновь в Феодосии... И хотя накануне, в конце декабря, угораздило меня захворать, под Рождество – бесприютный – качу из Москвы в Крым...

А чуть свет уж бегу к морю.

Бр-р! – с солнцем на пару оно прячется в пар от мороза... Что так необычно для Юга, где привычно – загорать, плавать, мечтать о тени!

И вот – где декабрьская моя хворь? – купаюсь. Среди лебедей!

Царственно-белые, с какой-то стати (говорят, с Нового года) они облюбовали себе феодосийскую набережную...

Здорово это – начать день с моря... и, наполнившись им, носить с собой!

Тогда, на Рождество, ещё одна, я видел, отдалась морю: безо всего зашла в волны – и уплыла бог весть куда...

Странно: искупавшись за нею следом, ношу в себе её образ...

Он (как позже и образы других плавающих барышень – стройной ли гимнастки, исполняющей на пляже кульбиты, другой ли – «в теле»), запечатлённый морем, долго ещё преследовал меня среди дня...

Лёд, мешанина под кедами поначалу мешали бегать; первые трое суток – снег, метель, окоченевший поутру скворец во дворе, трубный ветер с моря... Такой, что среди ночи распахивалась балконная дверь – и кто-то невидимый, казалось, врывался по мою душу, остужая комнату, увешанную иконами...

А днём – ни-ко-го! Набережная как вымерла. И – среди всеобщего запустения (даже поезда не ходят!) – одиноко стоящая, подточенная временем – на моём пути – Генуэзская башня, помнящая и Цветаеву, и Грина... огромная груда металлолома у причала (где раньше, ещё в 1990-х, шла посадка на теплоход, следующий в Коктебель)... да высокая нарядная ель на площади против вокзала.

Зато на четвёртый день, глядь: море – зеркало запотевшее.

Гладкое, мутное, на глазах исчезло оно из поля зрения, заволочлось туманом, сквозь который едва проглядывало

солнце.

Лебеди встретили меня говором. Обсуждая, видимо, как ветр-повеса, что ни ночь, стучится ко мне – непрощенный – в балконную дверь, трубит и вламывается, наводя жуть, и как со стен на меня испытующе смотрят лики святых...

Я почти не сплю. Люди же, наоборот, не проснулись. Всё ещё, кажется, спит.

Дома – и те, похоже, заснули. Пустой вокзал. Никуда не уедешь. Никто не проводит тебя, как не так давно – в октябре...

И лишь на исходе каникул откуда-то взялись прохожие. Море – тоже – приняло обычный свой вид. Как некогда при

Марине... Как и год назад...

Я приходил в себя, отогревался душой, работал (ничто не мешало мне взять нужный тон, выверить, сверстать две книги) и, оттаивая, – тайком для себя – вынашивал поездку «на край света» – в Новый Свет.

А тут – купленный в киоске «Союзпечать» номер газеты с моей – на всю полосу – статьёй «*Непослушные – мы отста- яли Крым*»... да до слёз тронувший концерт, посвящённый юбилею Крымского флага, в клубе...

Оттаял. Радовало – мир здесь год от года, как и при Гри- не, *узнаваемо добр* и безыскусен: тот же (в той же фетровой шляпе) на перекрёстке Айвазовского и Галерейной бесша- башный «выдуватель пузырей», та ж неизменно радушная Хранительница музея Ненада... и отзывчивые на ласку – в блокадном-то Крыму! – феодосийские кошки...

2

Но вот, разделавшись с рукописями, качу в «свет»: в Свет Новый (*иной*, у края), с взметнувшимся в небо Соколом, с ноздреватым Коба-Кая, с ясною россыпью звёзд в ночи... Свет, где можно от всего отрешась, прочувствовать, как *сквозит Вечность*, – в то время как ты, частица её, *живёшь*, *прислушиваясь*, как и всё живое, *к себе*...

Новый Свет, оказывается, ждал меня. Распахнув объятия бухты, встретил по-царски. Букетом подснежников. Клином лебедей в небе. Душем сероводородным...

И вот – чем не царь?! – купаюсь себе один в Царской бухте... Умудрился даже позагорать!..

Зимний – среди января – пляж. Необычно!.. Замусорено, жаль. (Но не оттого, что «русские пришли». И до так же было.)

Убрался (как в своё время – на Карадаге) – вместо того, чтоб возмущаться. (Волонтёр? Нет, служу *Красоте*... Может, я специально – из Москвы... В своё удовольствие... А оставляющие после себя мусор? У них нет национальности – *воры*: крадут у Природы...)

Проблески солнца. Облака куда-то бегут, задевая за горы, бросая оживляющие тени на палеорифы – «присевших» под боком у меня Орла, Сокола, с высоты своего роста не замечающих убогих под собой строений.

Как и я: ничто не мешает и мне смотреть на всё *с высоты Можжевелевой рощи*. И – в стороне от больших дорог – дышать.

Раздышался. Поутру – по ручейку вниз. Встречь свежему дыханию по теснине... Пока распадок не распахнётся в ширь моря... Куда, не раздумывая, вбегу...

А, обжѣгшись, поплыву в открытое... едва не забыв, что надо ещё назад...

За ночь прибой внедрил водоросли. На пляже – след бо-

СЫХ НОГ...

Погода, что ни день, меняется. Из солнечной – в ненастье. И море из утра в утро – разное. Нагнало медуз.

Нырять в склизкое месиво, назавтра неведомо куда сгнувшее... Недоумеваая – откуда что? Я, может, – невольный свидетель таинств? Объявился – в неурочное время?.. Вот и этой ночью, не доходя Капчика-мыса, разминулся с батушкой в рясе...

Странное место! С далеко выступающим в море мысом... У тех, кто осваивал побережье тысячелетия назад, мыс наверняка считался священным...

Пытаюсь и я постичь... Созерцая. Вникая... Этой ночью испытывал на себе силу продувного ветра. И – насквозь был пронизан им.

Он забрался в меня, да так и остался – рассказчиком, поведавшем мне о тайной чаше бухты, называемой Царской... про гору-отшельника Караул-Оба... про отполированные ступени тропы Голицына, про сквозной – пронзающий гору – мыс Капчик – подземный зал (под сводами которого, может, и священнодействовал встреченный мной батушка)...

Капчик. Достаточно – хоть кому – взглянуть на сие чудо природы, чтобы представить: перед тобой – *дракон*, забравшийся по брюхо в море, с панцирем сверху. (Дракон ли, ящер реликтовый, – чудо!.. Я сегодня в том убедился, взглянув на мыс под морозящим дождём глухой ночью.)

Рай среди января. И – никого!.. Хотя люди здесь, я сделал вывод, подвержены... Могут – чуть что – и с катушек сойти... чему я был недавно свидетель...

А тут ещё – усыпляющий сероводородный душ... наваливающийся – день напропалую – сон беспробудный...

И вот во сне, как в кино, оживает Прошлое: по ступеням, ведущим в обитель тавров, что за горой Караул-Оба, вижу, двигаются в ритуальном танце – одна за другой – тени... И, что характерно, в отблесках луны движения их безупречны...

Утренний бег по ручью, впрочем, вытряхивает из меня сны... А после заплыва – и вовсе – заполняет море.

На обратном пути – глядь – около валуна – глазок крокуса... Вон и ещё...

А в пятом часу вечера (когда солнце – у края):

– Куда идти?

– В горы, куда ж ещё! (Стало быть – по Царской тропе.

Вдоль озарённых закатом крепостей-скал, позолоченных сосен... по-над *таким* морем, что руки сами взмывают!..)

Успел! Застал! И даже *на солнце* вышел там, где на спуске к «Адамову Ложу» переплетённые корни-стланика рады послужить тебе как ступени...

После «Ложа» – «Рай» (конечно же, царящий над «Адом»), пропахший соснами... И – дальше: купленные накануне кеды-сороходы несут стремглав вниз, к пляжу (что против посёлка Весёлый)...

Назад – причащённый, весело *паря* над обрывом: вскидывая то и дело руки, – и тем самым *приближая* (согревая) кромку горизонта...

Выкроил время. Пролетел туда, где *всё* – на *границе света и тени*: сама Красота дождалась, и я застал её!.. После чего неважно, *на сколько* ты здесь (в жизни... или на пространстве Караул-Оба): ощутил касание крыла Времени, пролетевшего *над* морем-вечностью...

Хотелось идти и идти (если бы всё время так!.. и – в каждой бухте купаясь!) – *постигая*...

Но это – что, только со мной? А другие?.. Не может быть,

чтобы – живя на краю – не испытывать!.. Благодать же!

А между тем Крым заблокирован (изолирован недругами)...

Блокада! (Чего? Рая?) Не потому ли и людей мало (местные одни, и те – по домам)? *Блаженные* – большей частью. Но и – *не-до-вольные* (не-вольные?): *подверженные*... с «окупированными» мозгами...

Недостаёт воли? По ту сторону! Увы! Вот если б – больше таких, как Фёдор Конюхов! Вот уж кто – точно не «в клетке» – *живёт*... способен – в запредельных ситуациях – одерживать над собой верх и «*ценить каждое мгновение*»...

Повезло же нам с таким соотечественником-современником, на пределе возможностей осваивающим планету... раз от разу преодолевающим Невозможное!..

Вот и мне б – хоть время от времени – преодолевать!..

Вчера чуть свет, когда брезжило, стащил себя с койки (хотя так хотелось спать, а не бежать – к бурливому морю, в темень)...

Удалось! Но море не приняло: вздыбилось впотьмах, опрокинуло – сонного...

И всё ж – наполнило силой... В самом деле, на каком-то этапе *летящего стихия* *делает одержимым*, до себя поднимает...

Так и вчера было, когда, не чуя ног, разгорячённый, летел я с гор – и едва успел до темноты к Капчику, поджидающему нетерпеливо...

Вовремя! Пока здесь. Пока высоко... Зря, что ли, к исходу дня Красота сказала «спасибо»?..

– Как думаешь, бухта ждёт?

– Сейчас?

– Не, вообще.

– Не придумывай! С какой стати?!..

Можно подумать! Не придумываю – живу (чувствами)...

Просто иногда мы видим других *такими, какими они себя сами не знают...* Что вовсе не означает – «выдумал». (Цветаева ведь тоже никого не «придумывала» – ей *открывалось...*)

Я же, может, кого-то вижу летающим...

А захотелось летать – лети! И нечего принижать полёт...

Вон – бухта, привыкшая к тебе по утрам. Не *очарована* ли она вместе с тобой? А, её *приближённый*?..

– Мнишь... Таких, как ты, у неё – букашки, птицы, собаки...

– Но бухта ждёт очарованного! Я даже слышу... зов ручья, по которому из утра в утро бегу.

Ждёт! Не может Место не разделять моих чувств: *оживляю* присутствием, воодушевленьем, восторгом (перед Красотой – не будничной – райской)... И если той же бухтой не воспринимается образ, наверняка – душа!

Место! Ощущаю с ним обратную связь. Как эхо. Как запах цветка...

До сих пор храню в себе *впечатление*: волна (живая), взяв, поднимает – и, качнув, наполняет собой – силой...

Увидев, проникнуться, ощутить явственно и откликнуться, проявить радость... Не этого ли Природа ждёт от тебя? Как и Та, для которой достаточно, чтобы её *кто увидел (в лучшем проявлении)*...

Разглядишь – не задумываясь, отдастся. Всерьёз. Высоко. Ни о чём не жалея... Дождавшись тебя – горизонтом, проблесками солнца мутного, – всколыхнётся поющим прибором....

Даже когда уеду, знаю: несмотря на непостоянство моё, будет ждать, вспоминать...

И – когда *уйду*...

Не надо только грустить. Можно радоваться лишь, что в природе *всё неизменно*... и – этой гармонии красот (мест), в которой порой и камешек жаль стронуть, – ненарушенному очарованию...

Чуть сонное место. Красоты навевают сны, храня воспоминания (примерно как я носил запечатлённый морем образ гимнастки), ещё как намагничивают чувства!

Вон в мути обволакивающих горы облаков, в порыве ветра – образы-воспоминания – *лучшего* (насколько впечатлительная эта Красота в состоянии запечатлеть)... Мне же только и остаётся – настроиться и впитывать, обретая крылья...

А красивые – заведомо с крыльями? Некрасивые – без?..

Сомневаюсь. Мне в этой связи странно, что про жену Фета – кто-то: «бескрылая, некрасивая»... Как будто *бескрылость* – некое мерило некрасивости. Как – глухоты, слепоты, безнюхости... или – будничности, приземлённости, мелочности... или – безрадостности, уныния, не-широты...

Но Красота, с другой стороны, – разве не то, что с крыльями?..

Только вот не всё, что красиво, летает.

Обжился. Шаг за калитку – и вот – Парадиз: реликтовая (третичного периода) роща сосново-можжевеловая. А там – вперёд, в прошлое, как к себе домой, – внутри мыса Капчик, в нутро ископаемого рифа с 77-метровым сквозным сводчатым гротом, куда на этот раз удалось пролезть на ночь глядя, будя спящие тени, давно уж ждущие своего претворителя... (Ещё, быть может, с тех пор, как в 1912-м Николай П собственной персоной проник в грот и прошёл сквозь него к своей яхте «Штандарт».)

В смутных сновидениях – разбуженные воспоминаниями – тени явились ко мне ныне ночью... и – словно присутствовали наяву – странные, будто специально созданные Тайной в сумраке урочища Караул-Оба, лощинах «Ада» и «Рая», в увитом плющом «Адамовом Ложе» – убежище тавров... там, в святилищах своих отдающих должное Месту, скрытому от посторонних глаз...

Красота такая, что кажется – сон!..

Но что за сонное место! Отрешённые, во сне горы, ро-
щи...

Радует – не «обжит» пока край этот, оставшийся ещё на
отшибе, в стороне от дорог (кроме одной – петляющей по-
над морем, со светлячками фар – не верениц – редких машин
под вечер), за чередой гор, отделяющих от всего света Свет
Новый...

– А ты думаешь, Бухта-Пляж-Ручей будет ждать?

– Да, открылось же мне, как Место, очищенное от мусора,
шепнуло: «Спасибо за возвращённую Красоту!» и как бла-
годарно солнце сверкнуло...

Сны. Образы. Тайна... Место, таящее в недрах своих
больше, чем можно себе представить... Надо только *ви-
деть*... увидеть всё вокруг себя в лучшем проявлении (как,
по большому счёту, должно быть всегда) – и место отклик-
нется тебе, просияет...

Всё же взаимосвязано!.. Не выдумываю: чувствую...

* * *

Там! И ещё долго буду в *ином* – новом – *свете*.

По утрам изо дня в день бегу здороваться с морем... А
на ночь глядя – вверх, к таврам... Бегу, а глубоко внизу бу-
шуют, бьются о Караул-Оба волны... Над ними, облепив су-
чья-ветви сухого, как коралл, дерева, гроздьями невиданных

плодов лепятся друг к другу бакланы...

Вижу: двое – он и она. Карабкаются в Запределье...

И вот *оба* – *караул!* – ступают в *не совсем покинутую* таинственными жителями сих мест – таврами – лощину (за труднодоступной скалой), где по ночам, знаю, разыгрываются мистерии...

Но те двое скрылись из виду. И уж не увижу...

Однако в сумерках вновь лезу в Сквозной Зал (пронзающий мыс Капчик), где – прислушайся! – звучит тихая музыка...

Мелодия невзначай рождается из плеска волн в удалённом от меня «нефе», озарённом едва-едва мерцающим светом... где запечатлеваю Сны Моря – обнадёженный тем, что кто-либо снаружи, в реальном мире, всё ж дождётся меня...

Я слушал. И то был *прорыв* из череды будней: просачиваясь раз от разу под решётчатую калитку внутрь грота, каждый раз оказывался я в Невозможном... И до сих пор это во мне.

Выбираюсь. У оконечности мыса отчётливо слышу писк дельфинов. Похожий на пение Сирен... Или – зов... Что, если адресованный мне?

Будто это я сам (воплощение моё) – там, в дельфиньей стае. (Иначе откуда – возникающее при виде афалин и белух, с которыми, случается, плаваю в зоопарке, – волнение?)

Непривычно: посередь зимы (в конце января) – в летнем Крыму.

Лето на этот раз для меня началось в феврале – первого числа, когда набрёл на усыпанную нежными крокусами поляну в «Раю»...

А второго уж «распростёр крылья» – в Москву.

Повезло: сидел в самолёте с той, которую в аэропорту загадал! (Радость, самодостаточная сама по себе, – быть – да хоть сколько! – в небе с Красотою, у которой гибкие руки, бок о бок!..)

Впереди же маячило рождение книг (двух) и настойчиво выстукивала мысль, что всего важнее – *помнить, куда тебе...* В душе по-хозяйски свивало себе гнездо Блаженство – черпающая вдохновение от света чьих-либо глаз птица, воодушевлённая Музыкой и парящая *над* (между землёй и небом)... Как в «Экклезиасте»: *блаженство души – единственное, ради чего стоит жить...*

И вот – от блаженства можжевелевого, от царского моря – в снега, к себе в зоопарк, в столицу неестественного обитания... к бассейну, где плещется – без тебя – преданная тебе белуха...

Когда-то у человека – чтоб выжить, видимо, – была сверх-

потребность не просто с кем-то ассоциировать себя, а *перевоплощаться*... (В кого угодно... Хотя б и в себя молодого!..) Так, представляется, и когда-то возникло *животное из ряда вон* – белуха (идеал совершенства в природе)... к которой у меня с некоторых пор – родственное чувство...

Не просто *верю*: не слаб – *знаю* (от силы), *что могу зрительно перевоплощаться*... Зря, что ли, всплывая в бассейне, ощущаю вдох – дыхалом!..

Любовь же, полагаю, способна на многое...

Лети – и фантазируй! А за время полёта у тебя есть время – вспомнить, *кем был*... перевоплотившись же, – вжиться со всей страстью...

Накрапывало с утра. Туманилась, печалилась гора Сокол. В грустной задумчивости встретила меня Роща...

Но... Я сбежал от сна (как же там спалось: Сонное царство!) – и юркнул в ущелье Ручья.

С камня на камень. Как по лабиринту, на скорости. Опрометью. Навстречу ошпарине-поцелую моря... Взойду – и я – часть этого полновесного мира...

Главное же – до всего рукой!.. Всё рядом: отшельник Караул-Оба со своими таврами, Капчик, Царская бухта...

Природа грустила, туманилась... Я вживался... Фонарики (воодушевления, блаженства), случалось, зажигались в глазах, которые встречались на моём пути... И – мнилось (как всегда, когда хорошо), что – *ещё невесть сколько жизней*... что – всё могу...

Но что со мной? Так и продолжаю, как заведённый, бегать там вниз-вверх. Из утра в утро по ручью. Туда – враспах морю. Назад – с морем в охват... А с Рождества начиная – миная башню Константина, через рельсы... к не менее нетерпеливо ждущему меня морскому простору, из которого только что вышла гимнастка... и где – изящные в волнах прибоя – лебеди (чем не рай?)...

Из моря не выходя (таская его с собой, в себе – к себе, на верхний этаж дома, что напротив Вечного огня, в арендуемую мной квартиру набожных двух девственниц, где неизбывно царит женский дух... на что у меня – выборочное – для всего лучшего – осязание... и оттого – мука...), витаю...

В жизни, полагаю, всегда должно быть место Чуду, Безумству, Претворению Невозможного... Красота ведь воодушевляет!.. Тебе же и остаётся – что балансировать на лету...

О, рождённые Красотой образы, когда чувства обострены! Помню, на Шри-Ланке, когда при подъёме на гору Сигирия, увидел я на скале изображения женщин, много веков назад запечатлённых древними живописцами, Красота вдруг сама по себе ожила и кинулась...

И – вспомнилось булатовское: «Какие женщины на нас бросали взоры!..» (Пример благодарности с обратной связью: дыхнуло...)

Но Красота – это ж *всё, всюду... мгновения дня сегодняшнего*, возможно, недооценённые нами...

Думая о Красоте, всё чаще задумываюсь и о Вере. С одной стороны, *как верить* (доверять), когда всюду – столько лукавств (и – обманутых, слабых?.. И уж *лучше знать*: знание – сила!..) С другой стороны, сколько же Красоты, Чуда!..

Поневоле верю.

Январь – февраль 2015

Не-встреча

Успею ли?

Я не видел её лица. Лишь спину, плечи, копну волос...

Двадцать лет я брёл за ней следом...

Она шла передо мной, едва касаясь трав серебристыми туфельками.

Мои ж башмаки стоптались, одежда болталась лохмотьями...

А однажды пронзила мысль: успею ль?..

...Проснувшись в собственной постели, я вспомнил всё.

В вазе, благоухая, ждали моего пробуждения розы,

на столе – рукопись не изданной ещё книги, стопка писем.

Из распахнутого в сад окна доносился блюз, из кухни – аромат кофе...

Она вернулась ко мне – Фортуна, и уж теперь я не отпущу её!

Елена Скрябина. «Двадцать лет спустя»

Там, в Феодосии, во время предыдущего моего пребывания, на глаза попался – и захватил – рассказ о Фортуне.

Рванулся – захотелось увидеть автора...

Разминулись. Лица даже не разглядел... Увы! Разве что – душу...

Она выпорхнула из Дома Грина в сторону гавани.

Душа... Я догадывался: ей одиноко. Но, выкрикнув (глазами... их-то я заметил): «Не судьба!» – *спевшая о фортуне* показала мне спину.

Берег на горизонте! Я плыл к нему...

Наконец – достигнув:

– Где ты была?

– Томилаась.

(Я знал: не редкость в заполошном городе.)

– И никого, кто скрасил бы дни?

– Несовпадения...

(И об этом я догадывался – бывает.)

– Но недавно вышла...

– Как в море?

– В толчею...

– И?

– Оказалось – все – вместо того, чтобы жить, – *ждут*...

сталкиваясь в броуновском движении...

– Осознавая: Красота – каждая в отдельности – заслуживает живописца?

– Да, в каждом случае – *тобою же открытая Вселенная* – и сама по себе...

– Притом что у каждого за спиной – одна, другая (как у царя Соломона)...

– Но жизнь многолика, каждый неповторим!

– И все – разные: скучающие – и, как ветер, свежие... уткнувшиеся в смартфоны – и ищущие... «познавшие жизнь» – и сияющие...

– Как же жить?

– Не терять себя в волнах города... и не упустить главного – Красоты...

– Ради чего?

– Красота востребована!

* * *

Просто три года назад (и до того лет двадцать) готовил я

в Феодосии книгу. (*Название «Праздник – в тебе», подразумевал – в себе, говорит за себя.*) Тогда Праздник – не уставая, летать – отстаивал в спокойствии духа. (Когда ж уставал, подпитывался Красотой... Чтоб у Края – как перед Богом – руки вон из карманов...)

Казалось – допишу вот... – и начну одаривать Праздником... И – изменится мир... И вот изъезжу весь свет белый, фотографируя лица, виды...

Ты *зажглась*. И тоже прислала виды. Панорамы Чёрного моря.

Я тебе – фото иных морей...

– А нет ли у тебя – *о тех краях?*.. – спросила...

С этого и началось...

Набралось на книгу.

Октябрь 2016

Просияло После Феодосии

*Я качу куда-то... радуясь ветру в лицо,
небу над головой и тому, что слёзы
по-прежнему солёные, как в детстве...*
Сергей Диба. «Чёрное солнце / нежная трава»

В автобусе, отправляющемся в Дмитров, смотрю через окно на смерч, метущий по асфальту «мелочь» – берёзовую жухлую листву – и охапками рассыпающий её в танце дождя... А час спустя – как, облепливая стёкла автобуса, вьюжат «первые мухи» – хлопья снега... И как под Яхромой, на маковках церковей отразившись, наконец просияло солнце...

Благодаря сему, каждый, кто в тот день, из автобуса выйдя, сел со мною вместе в круг друзей, улыбок, ощутил *праздник...*

И вот... Я и не думал писать. Кому нужны «подённые за-

писи»?!)

Но блеснуло ж! Что если и *моё* (повествование, впечатления от поездок) найдёт отклик, отзовётся хоть в одной, настроенной так же душе?

И кто-то тоже отправится... и – передаст праздник. Как по цепочке...

И это будет эстафета Добра: один – другому...

Стало быть, в путь?!)

Октябрь 2013

Остров-мечта

Поездка на остров Крит

*...Остров есть Крит
посреди виноцветного моря...*
Гомер. «Одиссея»

Калиспера, незаходящее солнце моё!

*Отправляясь на Крит, я уже кое-что знал про родину
Зевса, расположенную на стыке трёх частей света, про
обживших Остров в незапамятные времена (почти девять*

тысяч лет назад) минойцев, про лабиринт и Тезея, одолевшего Минотавра... про взлетевшего (тут где-то, вместе с сыном Икаром) Дедала... про вулкан Санторин по соседству...

1

Ираклион.

Спланировав над городом, названным в честь Геракла, приземлился я – в лето – с началом осени... И – окунулся...

А море – от соприкосновения (больше-то купающихся не было)! – разволновалось... И – приняло.

Роскошь, блеск!.. Куда Грину – с его «Золотой цепью»! И вот хожу, а Красоту – и чуждую пусть – по мере сил *присваиваю*: море – где б ни было – настоящее...

А люди всё что-то жуют, забыв о Мифе. И изъясняются на непонятном мне языке. Зато на лицах (пожалуй, на всех) – понятные мне улыбки.

И – у меня: первая же загранпоездка!

2

Херсониссос.

Ну, сон! Ощущенье: *бывал...* (Может, во времена Гомера?)

Или – первооткрыватель? Пару кроссовок сносил – а что видел?!

Сегодня – скульптуру, олицетворяющую счастье: он держит на весу её – обвившую его руками и ногами, чтобы, по-видимому, не вознестись...

Сильно! (Но всё ж – на подступах...)

Пальмы, кактусы... Под черепицу – вроде многопалубных кораблей – дома... Бассейны, бары... Вкрадываются сомнения: может, по недоразумению занесло?

Воздух насыщен ароматами – из кофейен, с моря...

Тепло. Обвеивает ветерок. Восточная музыка.

Херсониссос – облагороженная копия Коктебеля.

3

Айос-Николаос – Сития.

Освоился – и воспрял. Врос. То, что увидел, я б назвал Макси-Крымом... Таврией в *энной* степени.

Сходство? Горы (здесь – больше). Цикады (громче). Отсутствие дождей (с мая не было). Море (синей, солоней). Те ж «Кр».

Этакие этажерки-города с узенькими улицами, в которые чудом – со мною внутри – въезжает автобус.

Прибрано. На улицах и в душах чисто.

Гречанки с улыбкой позволяют заговорить (мне – на ломаном никаком). И – уже изъясняюсь. *Глазами*: выучился за

поездку в Ситию (у славянки по имени Василька)...

Сития – на восток.

Последний оплот минойцев.

Дорога – на поражение воображенья: над пропастями...

Мельницы рукастые на плато Лассити...

По пути – Айос-Николаос, город с бездонным водоёмом в центре, с аметистовыми в витринах жеодами, с чистейшим синь-заливом.

4

Ретимнон.

Не верится: посередь Средиземноморья, на древней земле!

Не разъехаться... На перекрёстках – аксакалы-автохтоны...

Крепость из старины – и выдающийся в море, яхтами усеянное, маяк...

Впитываю...

Когда не путешествую, плаваю. И – всё больше влюбляясь в море.

А вот соотечественники, похоже, предпочитают бассейн...

Из моего номера – выход в венецианский двор, а там – бассейн с подсветкой и... плавающая, с выразительными гла-

зами, южанка...

Но... у меня за морем есть своё Незаходящее Солнце.

5

Кносс.

В Кносском дворце. В гостях у самого Миноса, царя Крита, деда Гомера!

С волосьями, как у Медузы горгоны, расчёску забывшими, кружу внесебя по лабиринтам ужасного Минотавра, принохиваясь к событиям трёхтысячелетней давности...

Будто я тут уже целую вечность!

И всё кажется таким знакомым!..

А сколько ещё мест чудных, где не бывал!..

6

Элунда – Спиналонга – Иерапетра.

Белые вдоль моря малонаселённые города, белые ж островки, на одном из которых, называемом Спинолонга (Спинолунга), – с венецианской крепостью и 500-летней базиликой – *лепрозорий*...

Прокажённых не выпускали...

Я ж – не узник: не в силах сдерживаться, и – по вольному морю – вплавь...

Выхожу на залитую солнцем набережную Иерапетры, встречу распахнувшемуся Ливийскому морю, – и вторю приветствиям незнакомых людей (как и все на Острове, радующихся жизни), на удивление доброжелательных.

Не боги явно. Но красоты Крита, похоже, благотворно действуют: ни разнузданных, ни хмурых, ни нищих не встречал.

Оголённость умеренная. Но совершенны плечи...

И хотя – со времён Миноса ещё – у аборигенок принято оголять грудь, ничто так и не растлило нравов островитян. (Как, надеюсь, и мои купания чуть свет...)

Все радуются – люди, солнце... Вообще, воздух Острова пропитан радостью. И я заражён ею.

7

Ханья.

Молодых, я бы сказал, немного. Больше седовласых. Много иноземцев и не очень весёлых русских.

Остров напичкан отелями, развлечениями для туристов.

Культ еды и питья...

И все *ездят*. На чём только не!..

Я – тоже. На джипе. В Ханью (немного похожий на Венецию город).

Всюду – оливки, апельсины, бананы... Цветёт бугенвилля.

Ни змей ядовитых, ни хищников. Из диких животных не вывелись только козлы «кри-кри». Природа вкупе с историей создала для человека здесь все условия – и, похоже, эксперимент удался.

Зря, что ли, родом отсюда – и художник Эль Греко, и писатель Никос Казандзакис...

«...И ты, может быть?» – дала мне знать закутанная по глаза зыркнувшая на меня и уплывшая в море особа...

8

Малия – Сталида – Херсониссос – Ираклион.

Прошёл – с ветром на пару – по краю суши.

Мимо верениц вилл, отелей, дендро- и аквапарков – вдоль изумрудного, в барашках, что «среди земель» моря.

Грудью на ветр, с душой нараспашку...

А море среди скал билось – пахучее, пенное. Хоть молись на этакую красоту!

В районе Малии разбежался по песку – и не удержался

– неожиданно для себя прошёл долгим «колесом» по пляжу, чем, не желая того, сорвал аплодисменты объявившейся невесть откуда англоязычной публики.

...Сдаётся мне, интуристы тут задались целью «спасать» одиноких.

Что ни встречный, – в качестве «круга спасательного» – бросает улыбку ободряющую: «Хеллоу!»

И – *жить можно* «обречённому» на молчание...

А под вечер в порту Ираклиона – суперлайнеры, катера, яхты... Солнце – словно срезанное поперёк ножом – быстро таяло в море.

Душа пела, наполнилась солнцем глаза! *Кала!* (Хорошо!)

9

Сиси – Солнари – д. Христос – Адонис – Неаполи.

Море разбушевалось – не отвести глаз: в белой пене, клочущее, билось о скалы, дышало паром...

Мы стояли друг против друга – и до меня *дошло*: море оттого бесится, что людям *не до него!*

Да, не для купанья погодка! На пляжах спасатели – чуть что – в свист...

Но мне удалось-таки сплывать. Притом что море изрядно потрепало непослушного, дразнящего Посейдона...

Миновав Малию, впредь никого уже не встречал.

Двигаясь на восток, вышел к пустыющей, не запирающейся православной церквушке.

Далее – без дорог. Помолившись, нашёл за церковью едва заметную тропку с видом на «крымский Батилиман». Обогнув же над беснующимся морем обрыв и спустившись в дол, оказался среди древних руин...

После обустроенного побережья – заброшенность. Как будто нога человека не ступала здесь уже тысячу лет.

Ветр с моря обдувал, спешить было некуда – и я час за часом шёл мимо каких-то доисторических развалин, пока не набрёл на удивившихся моему появлению двух пастухов, которые воззрились на меня, как на чудо, и жестами дали понять – засветло, если идти берегом, до жилья не добраться.

И что бы я делал, если бы эти добрые люди не подбросили меня на мотоприцепе – пусть допотопном, в компании со связанным, но брыкающимся козлом?!

Полчаса взмывали мы вместе с этим самым козлом по серпантину в горы.

Всё выше... Пока не оказались на «Ай-петринских», как показалось, высотах... Откуда мне уж следовало выбираться самому.

И долго я шёл в глубь гор, а солнце закатывалось, стирались понятия времени-пространства, и чудилась – неподалёку, на склоне горы Иды, – пещера младенца Зевса...

Но вот проза жизни – хотелось есть. Благо – в деревне Христос (!) сорвал я по пути свисающую надо мной гроздь

винограда... А посему когда – уж к вечеру – меня нагнал допотопный тарантас и водитель-грек предложил: «Макря... леофорио...» (что бы это значило?) – я не возражал.

Словоохотливый, весь – улыбка, подвёз он меня к отъезжающему уже автобусу (как выяснилось, последнему), идущему на Ираклион. Но, как я ни настаивал, *филос* (друг – по-гречески) категорически отказался от денег.

Не веря удаче, ехал я сквозь критскую тьму на фантастическом, с голубоватой понизу подсветкой, автобусе в отель свой «Пальмира», а рядом, как та ж ночь, сидела точёная негритянка. И гладкие ноги её – напоминанием о Незаходящем Солнце – слегка касались моих...

10

Айос-Николаос.

Последний день. К концу – путешествие с солнечными его днями.

Не передать счастья, что испытал я, бредя в шторм вдоль моря, когда стая чаек мотыльками увивалась следом, заодно с ветром, пытающимся не просто расшевелить – сбить, сдуть...

И здорово же было ехать тогда на колымаге вверх! Едва ль не за облака. В то время как ветер, как бешеный, трепал мне рубаху – пока я, вцепившись изо всех сил в края шаткого кузова, с восторгом озираю пол-Крита и упивался непо-

вторым горно-морским ароматом...

Крит... Крым... После средиземноморского острова Крым представлялся мне чем-то домашним... хождение по нему – детской забавой...

И всё же хотелось в родной Коктебель.

* * *

Но стоит ли – о вчерашнем – когда есть день сегодняшней?!

Настоящее же текуче...

Текуч миг, а вагончик с тобой задумчиво так отходит. И рай, с его ласковым морем, белёсыми городками, приветливыми людьми, с воздухом его, солёными днями, вдруг – позади...

Осталась, прежде всего, благодарность. Пастухам, не давшим мне сгинуть, отговорившим идти в неизвестность... Кисти винограда, высоко в горах вернувшей мне, обессиленному, крылья... Улыбнувшимся мне встречным...

Там, в Адонисе, подсмотрел я патриархальный уклад...

А напоследок ещё раз побывал в ошеломительном Айос-Николаосе... Надышался морем, красотами...

И – в аэропорт, домой...

На Крите, надо сказать, не запирают двери: благ, как и солнца, хватает...

Не слышал и чтоб ругались. (Однажды лишь – в сердцах:

«Мамба!» И что б это значило?)

А вот насколько соотечественники мои (узнаются сразу) не всегда вписываются в атмосферу благодушия на острове Зевса, мог я убедиться по пути в аэропорт – когда парочка *наших* ссорилась из-за пустяков...

И дёрнуло же меня перед стойкой регистрации спросить (обрадовался своим): «За чем стоим, братцы?» На что получил: «Не видишь сам?!»

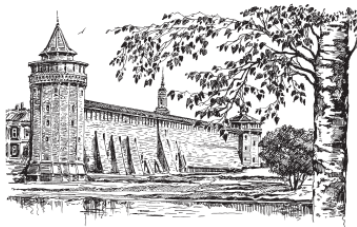
И – *признал*... После улыбчивых-то критян!
Родные!

Но стоит ли – об издержках? Есть явь!.. Вон – с совершенными плечиками – «разучившиеся говорить»... Мимо... Молча... Обречённые, как и я, на молчание...

Текуч миг – вагон с тобою отходит.
Я сас (До свидания), Крит!
Сентябрь 2004

В Коломне

После турне по Европе

Свет мой, берёзка светящаяся, под кроною твоей я – в
листве весь – восторженным отражением!..

Одержим, стою – среди осени – из резиденции королей, с
Полей Елисейских – только что вернулся...

А в Коломне – проблески солнца, туман. Кремль – Смут-
ных времён, битвы Куликовской...

Сквозь дымку – из прошлого персонажи... У Маринки-
ной башни – вороны (дух Марины Мнишек). Женихи по мо-
сту носят кружевных невест... Поодаль – берёза.

– Нет, не годится порознь!.. – словно говорит. – Не разоб-
щайтесь, люди! Мы и живём-то ожиданием встреч. С теми,
кто нас заждался... Вон – обстоятельствами разъединённые
– томимся... И – тянемся, едва расставшись...

* * *

– Девушка, вы забыли, что назначили мне здесь встречу?!..

Она – будто не узнаёт:

– И как давно?

– Год!

– С тех пор так и стоите?..

Октябрь 2004

Посреди ветров На острове Мальта

*Я дворец себе построил
Из огня и бликов...
Думал – на века.
Если бы не волны:
Смыли без следа.*

Стою посреди – и с краю.

Ветр – в лицо. Вот-вот сдует.

Да уж, ветер там, средь Средиземного моря, и впрямь сры-

вался – чуть не сдувал... Пуще того – за проливом – на Гозо-острове, где и вовсе дул сквозняком из Окна Азурро и забрызгивал с головы до ног...

Впрочем, куда труднее было *устоять перед красотами!* Присваивая ли их (через восторг), витая ль над «барашковым» морем иль бродя по берегу, источающему ароматы, что одурманили Одиссея (поддавшегося некогда обещаниям Калипсо сделать героя «Илиады» богом), – и сам я был не прочь плениться...

Море! Обнимая его, над всем царил горизонт. А едва ли не со всех сторон (я – посреди) море омывало (казалось – смоем) отель мой, примостившийся на краю острова: дальше – мол, к которому то и дело швартовались паромы, чтоб обменяться неиссякаемыми туристами.

Ночь напролёт – плеск при свете луны... Под свист ветра – сон... А море – мне:

– Помнишь... А помнишь, как в первую ночь кинулся ты в чернь вод... как, наплававшись, взобрался по винтовой лестнице на маяк, где тебя едва не сдуло ветром?..

Ветр! Мы с ним (на пару) гуляли у *края* по каким-то полям, плутали на благоухающих чабрецом склонах Парадиз-бей, откуда к вечеру неслась музыка...

НА ОСТРОВК ГОЗО

С Парадиза на Мджарр (последний бастион рыцарей) –

паромом (ходят века!) – на *Гозо* – остров Наслаждения, обитель нимфы Калипсо...

– Но чего больше у живущих здесь (уже восьмое тысячелетие) – счастья, невзгод? – спрашиваю у ветра.

– Если стереть память о войнах, пиратских набегах, – счастья...

И верно: ветер ведь суетное развеет, море выправит душу... Зря, что ли, найденные здесь статуэтки «дам тучных» свидетельствуют о благоденствии!..

Причалили. У городка Мджарр – форт Шамбре (огни его видны из отеля)... В неоготическом стиле церковь Ностра... Синьора ди Помпеи...

Виктория, столица Гозо. Цитадель, откуда остров – в охват. Распахнутое пространство. От ветра не спрятаться – пытаюсь взлететь...

В Двейра-бей – арка Azure Window – скала с восьмиэтажный дом, «окно голубое» – в небо (раз уж – «дверь», Двейра, должно и «окно» быть)... край земли.

После Цитадели, где, чтоб взлететь, надо было подпрыгнуть, здесь – упереться б... в то время как с моря брызжет! Ветр – из арки... Зрелище!

Мечтаю обойти сорок километров береговой линии Гозо со 150-метровым утёсом Та-Ченч, с укронными его бухтами, колоннами храма Юноне, базиликой Та-Пину, колеей от доисторических повозок...

ТУДА, ГДЕ ФОРТЫ

День на Мальте начинаю с моря. И – вдоль поросшего цветами обрыва – по полуострову Марфа, где безбрежье – по обе стороны... Мимо бездонных трещин, провалов, помнящих Одиссея...

На острове – что ни шаг – пропасти. Хожу *по самому краю*... И неизменно – ветер, островной сквозняк... Неспкойно.

На Bus-stop. И – автобусом – до *Валлетты*, мальтийской столицы.

«Бусы», доставшиеся мальтийцам от англичан, – длинные, с верёвочкою, которую дёрни – и зазвонит колоколец (на выход... при входе же – стой за сдачей с протянутою рукой – иначе водитель всё оставит себе как должное)...

От садов Баракка – вид на слившиеся воедино за Большой гаванью три города: Витториоза, Сенглеа, Коспикуа...

Башенки с рельефами пеликанов...

Один за другим – впритирку с берегом (мачты прямо из сада «*растут*») – идут многопалубные суда...

А яхт!..

Форты: Эльма и Ангела. Оратория и Дворец Великого магистра. Собор Крестителя Иоанна и арт-музей...

Процессия (феста) с проносом Бамбины...

В XVI веке рыцари Ордена Иоанна, объединившись в

союз (поначалу состоявший из девяти рыцарей-госпитальеров), разогнали турок, пиратов – и зажили неплохо... Благо – на бастионах, где шла стрельба, ныне – сады Сенглеа, тихо...

Во время круиза (на катерке «с глазами») по бухтам Гавани (с выходом за мол в море) – восторг – от видов, благоуханья с моря.

Полтора часа на ветру. Стоя. Улавливая запахи Мальты, касаясь истории...

Всё время б – сюда!

В ДРЕВНЮЮ МОСТУ

В глубине острова, в *Мосте*, – храм Марии, по виду – римский Пантеон. (Всего на полмиллиона жителей – 365 церквей – по числу дней в году, и по одной – на каждый квадратный километр).

«Безмолвному», но не всегда тихому городу-крепости *Медина*, части Мелиты, – пятое тысячелетие... Домам (с *иннами* – постоянными дворами), принадлежащим потомкам рыцарей, – шесть веков... Саду Антония, с разросшимися фикусами и кактусами, – пятое столетие... История тут застыла!

Катакомбы, гrotы в пригороде Рабат. Пустынно. Апостол Павел (благоговею: не так-то это легко – нести новую веру) обратил здесь в христианство римлянина Публия... Чуть позже, представьте себе, последователи Павла, хороня еди-

новерцев, устраивали под землёй в пещерах трапезы на «столах любви»...

Возвращаюсь на настоящем английском «бусе»: Сан-Сван – Бальзан – Моста – Бур-Маррад – Сан-Павл – Скемксия – Меллиха – Марфа – Парадиз – к себе в «рай», в безлюдье... в полумрак мерцающего бассейна... в номер «с видом на Африку», где под свист ветра сладко так засыпать!.. Чтобы – *бонжусу!* – чуть свет – с ветерком уж – на крыше двухэтажного «буса» – в путь – *на юг* (острова – с очертаниями, как у пирании: с «хвостом» – у Марфы... и Парадиза моего – «кончика хвоста» – на западе).

НА ВОСТОК, К ОБРЫВАМ

Незабываемо: на лодке (*джайсе*) – по гротам и аркам циклопического Голубого грота!.. Обрывы (в запредельность) по сто метров, остров Фильфла...

Желание – оплыть остров...

Ограничиваюсь плаванием в заливе с изумрудной водой и... знакомством – недолгим – с парижанкой...

А в окрестностях – мегалитический (с медного века) храм Хаджар-Им. Посвящён... фаллосу... Мегалит соответствующий – при входе...

Так, обрывами (а оба острова – и без бастионов – сплошной Обрыв, и никто не думает его огораживать) – на восток – в пропахший рыбою город Марсашлок.

По морю – лодки *с уллицо* – глазами Осириса, над морем – изваяние распятого Андрея-апостола. Форт Сент-Лусьен... Пещера Гар-Далам, где найдены останки миниатюрных слонов, других удивительных «лилипутов»...

«Нет зрелищнее места конфликта моря и суши, – сказано в путеводителе, – чем у обрыва *Дингли*». И впрямь стрёмное место: перепад – 240 метров!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.